

*Если ты хочешь любить меня—
полюби и мою тень...*

«Наутилус Помпилиус»

На пятом этаже небо всегда кажется ближе, будто живёшь не на земле, а паришь в небесах. Я люблю наблюдать за пролетающими в облаках самолётами. Они видятся мне маленькими серебристыми рыбками, заблудившимися в глубинах бездонного океана. Я закрываю глаза, расставляю руки в разные стороны и подражаю полёту небесного лайнера. Ещё секунда—и ветер подхватит меня, унося в заоблачные дали...

— Сева, вынеси мусор!— слышу я крик отца, и видения полёта обрываются.

Прошло меньше недели, как мы переехали жить в новый дом. Мои родители без особых сожалений расстались со старой квартирой на первом этаже. Их прельстили дополнительные метры и балкон. Мама с папой тут же затеяли ремонт. Мы приводили новое жильё в порядок. Отходы каждый день скапливались в мешках и вёдрах.

Я взял послушно большой пакет и вышел на улицу. Во дворе никого не было. Бункер находился метрах в пятистах от дома. Мусорный мешок изрядно оттягивал руки. На половине пути в зарослях молодых тополей я заметил стихийную мусорную свалку. Воровато оглянувшись и не обнаружив никого, кто мог бы меня осудить, я выкинул мусор в кусты.

Тогда я не знал, что за нами постоянно наблюдают, даже если кажется, что рядом никого нет. Старожилам дома всегда интересно узнать, что за люди к ним переехали и стоит ли ждать от них беды.

Всё моё мусорное путешествие из своего окна тщательно отслеживала бабуля с третьего этажа. Старики часто смотрят на мир, запечатлевая события и нас в них для предстоящей им вечности.

Бабушка увидела моё преступление, сказала об этом внуку, а тот друзьям. Мой поступок тут же вызвал всеобщее порицание.

Мальчишки со двора, быстро собравшись большой компанией, встретили меня на обратном пути от мусорной свалки. Они предчувствовали веселье. — Иди подбери пакет и вынеси его куда положено,— сказал старший из них.

Я насупился и молча двинулся вперёд. Меня грубо отпихнули.

— Если не подберёшь свою парашу, отхватишь по рылу!— пригрозил мне низкорослый крепкий пацан.

Компания дружно засмеялась. Им нравилось чувствовать себя сильными.

— А сами что, туда не бросаете?— всё ещё сопротивлялся я.

— Мы сейчас твоим родителям расскажем,— сказал старший, а рядом стоящий агрессивно добавил: — Ты не вкурил, что ли?! Мусорить там, где живёшь, нельзя!

Он двинулся в мою сторону с кулаками. Его порыв театрально сдержали друзья.

— Он дурак, не зли его,— предупредили меня, кивая на бойкого друга.

Я понял, что выхода нет и заставят в любом случае. Втянув голову в плечи, я добрёл до мусорной кучи, взял первый попавшийся пакет (для моих наблюдателей важен был процесс) и отнёс его в бункер.

С мальчишками из нового двора я больше никогда не общался и на улицу гулять с ними не выходил. Ещё некоторое время они подсмеивались издалека надо мной, а потом перестали обращать внимание. Для них я стал чем-то вроде призрака. — Иди хоть проветришь чуть-чуть!— гнал меня отец. — Надоел, сидишь целыми днями дома!

— Я никуда не пойду, тебе надо—ты и гуляй!— отвечал я грубо ему.

Просьбы отца меня обижали. Я не понимал, что мои родители молоды и им необходимо иногда побыть наедине.

Протестуя, я уходил на балкон, забирался на самодельную деревянную тумбу, в которой мама хранила пустые стеклянные банки, и смотрел часами, как дети играют во дворе. Следил, словно по телевизору, за тем, кто первым собьёт банку, стоящую на кирпиче, или закатит мяч в самодельные ворота. Глаза мои в тот момент наполнялись слезами и обидой за свою судьбу. Мне очень хотелось выйти во двор и поиграть с ребятами, но я не мог преодолеть черту. Чувствовал себя униженным. Мне было стыдно за себя и за тот поступок с мусором. Со своими сверстниками я общался теперь только в школе.

Одиночество сказалоь отрицательно на моём характере. Я стал вести себя вызывающе на людях. Привлекал внимание плохими поступками. Спорил по пустякам с учителями, обзывал девчонок, дрался с одноклассниками на переменах. За это в школе меня не любили. Не любила и девочка, которая мне нравилась с первого класса. Маша всегда пренебрежительно смотрела в мою сторону, давая понять своё отношение к моим поступкам и ко мне. От этого я ещё больше злился и старался вывести её из себя. Неизвестно, куда бы завело меня такое поведение, но в нашем классе появился новенький. Судьба неожиданно сделала из этого человека моего соперника.

Поначалу скромный, тихий и вежливый — новенький стоял боязливо на пороге, смиренно опустив голову. Ждал, когда учительница представит его классу.

— Знакомьтесь, дети, — это Дмитрий. Он будет учиться с вами, — представила она новичка.

Застенчивость Димы исчезла быстро. Он сразу смог наладить отношения с лидерами класса и понравится всем учителям. Прошло немного времени, и новенький превратился в «серого кардинала» седьмого «Б». Он ловко манипулировал нами: подговаривал сбегать с уроков, делать пакости педагогам, травить неугодных ему одноклассников. Оказаться под прицелом Дмитрия не хотел никто.

Однажды мы просто дурачились на перемене. Бегали между парт и кидали друг в друга протиркой с доски. Маша с достоинством вышла из класса, показывая всем видом, что осуждает подобные забавы. Никто из нас не бросил ей в спину тряпкой и не отпустил идиотской шутки в след. Мы проводили взглядами Марию. Мой взор задержался на ней чуть дольше положенного. Я оглянулся и заметил, что Дима пристально смотрит на меня, прищурив глаза. В груди беспокойно кольнуло, словно длинная стальная иголка воткнулась в сердце и замерла. Я понял, что он каким-то неведомым образом проник в мою тайну. Растерянность на моём лице окончательно убедила Дмитрия в своей догадке. Он недобро улыбнулся мне и погрозил, словно маленькому шалунишке, пальцем, как бы давая понять, что всё теперь про меня знает.

Ни для кого не было секретом, что Диме нравилась Маша. Он часто оказывал ей знаки внимания и, в отличие от меня, не скрывал своей симпатии перед одноклассниками. Правда, Мария не отвечала ему взаимностью.

Догадка Дмитрия насчёт моих чувств не сулила мне ничего хорошего. Мы оба молча смотрели друг на друга и понимали, что хотим одного и того же. Я впервые осознал, что молчание нельзя обмануть.

После этого события Дима всегда пытался унижить меня в глазах Маши. Делал он это как бы непреднамеренно, исподтишка. Я чувствовал себя рядом с ним в постоянном напряжении. Дима

ловко высмеивал все мои недостатки, начиная с внешности и заканчивая оценкой моих интеллектуальных способностей. Я боялся ему отвечать. Он был физически сильнее и имел непререкаемый авторитет в классе. Мне оставалось лишь терпеть и в мечтах уничтожать своего соперника, представляя его слабым и подлым, а себя сильным и отважным, побеждающим в драке и завоёвывающим сердце Марии.

Как-то раз я привычно сидел на балконе, наблюдая за окружающим меня миром, и неожиданно поймал себя на мысли, что хочу рисовать. Руки сами потянулись к карандашам и альбому. Я решил создать портрет Марии. Закрыв глаза, я долго вспоминал лицо одноклассницы в деталях. Слегка надменный взгляд, чуть вздёрнутый нос, тонкие губы, густые светлые волосы, подстриженные под каре. Я представил, как на этой пышной причёске смотрелась бы диадема с дорогими камнями. К этому украшению я быстро придумал королевское платье, перстень на пальце, трон и пушистого белого кота, дремавшего мирно на коленях.

«Вот такой я тебя и нарисую», — подумал я и открыл глаза.

Но образ одноклассницы не исчез! Он, точно негатив чёрно-белой плёнки, запечатлелся тенью на небе. Я зажмурился и потряс головой. Тень марево качалась на небесах и никуда не пропадала. — Вот это да! — восхищённо вырвалось у меня.

«Вот что происходит, когда долго сидишь с закрытыми глазами и вспоминаешь чьё-нибудь лицо!» — подумал я.

Как ни в чём не бывало я улыбнулся Тени и стал срисовывать с неё портрет Марии. Работа завлекла меня до сумерек, пока очертания небесного силуэта не слились с вечерним небосводом.

Мне удалось ухватить внутренне содержание характера Маши. Рисунком я остался доволен и, забыв про таинственный образ, застывший на небе, отправился доделывать уроки и спать.

А утром Тень вновь висела на небосводе рядом с моим балконом и никуда деваться не собиралась. — Ты кто? — тихо обратился я к Тени, испуганно оглядываясь по сторонам.

Ответа не последовало.

Мне стало страшно. А что, если повредился рассудком? Как теперь быть? Меня запрут в больнице и будут ставить уколы до конца моих дней?!

Я не знал, стоит ли об этом говорить родителям или оставить всё в тайне. Может, если молчать, то никто не заметит, и Тень исчезнет сама?

Прошла неделя, но силуэт Небесной Девушки не исчезал. Постепенно я смирился и привык к ней. Стал воспринимать Тень как естественный ландшафт у себя над головой.

Потом я поймал себя на мысли, что часто беседую с Небесной Тенью, делюсь с нею самыми сокровенными мыслями и обсуждаю собственные

проблемы. Наш диалог выглядел как разговор с самим собой, ведь Тень в реальности не отвечала. Она парила молча в вышине. Все её ответы я выдумывал сам. Свои разговоры с ней и переживания я записывал в большую общую тетрадь. Мне нравилось заполнять страницы дневника и перечитывать их. Я исписал и изрисовал старую общую тетрадь в клеточку практически до конца.

Прошёл год. Мы заметно выросли. Теперь девчонки казались нам маленькими, а не наоборот, как было раньше. Многие мальчишки дружили с одноклассницами: ходили в кино или просто бесцельно гуляли по улицам города. Некоторые хвастались своими первыми поцелуями. Я ничего не мог рассказать им в ответ. У меня не было подруги, если не считать небесный силуэт девушки, который никто не видел.

Насколько я знал, у Маши тоже не было вальера. Сверстники стеснялись предложить ей дружбу, уж очень недоступной она им казалась. Для мальчишек постарше Мария как девушка интереса ещё не представляла.

Мой конкурент по сердечным делам Дима дружил с девчонками направо и налево. Он в физическом развитии сильно опережал своих сверстников. Дима стал ходить в зал тяжёлой атлетики, и сквозь его одежду заметно выступали накачанные бицепсы. Занятия спортом добавили его стати силы и ловкости. Высокий рост Дмитрия гармонично сочетался с крепкими мышцами. Дима стал мечтой многих девочек школы. Излишнее внимание противоположного пола сделало его взгляд уверенным и надменным.

Единственной «ахиллесовой пятой» Дмитрия оставалось неразделённое чувство к Марии. Маша ничем не выделяла Диму. Он был для неё просто одноклассником. Дмитрия это обстоятельство выводило из себя. Пару раз он даже распускал слухи о том, что Мария писала ему любовные записки-признания, которые он, как истинный джентльмен, сжёг по её просьбе и в дружбе ей отказал. Мы не верили ему, но об этом молчали.

Всю злость за неудачу с Машей Дмитрий вымещал на мне, хотя Мария никак не проявляла своих симпатий в мою сторону, в лучшем случае я был ей безразличен. Он стал публично перед всеми одноклассниками унижать меня, причём уже не только морально, но и физически. Пинки и затрещины от него я получал, как по расписанию, не менее трёх раз в день. Противостоять его силе и дикому напору я не мог. На турнике у меня больше трёх раз подтянуться «с рывками» никогда не получалось. Я был среднего роста, щуплым и неказистым подростком. Отвечать на выпады одноклассника я не без причины боялся.

Дима осознавал свою безнаказанность. Он взял в привычку поджидать меня после школы и, вроде в шутку, устраивать со мною «дружеские бои» в

стиле «Мортал Комбат». Дмитрий как бы понарошку наносил мне удары по туловищу, но от этих тычков синяки на теле оставались реальные. В наших поединках я просто стоял и делал слабые попытки защищаться. Проще говоря, служил тренировочным мешком для моего одноклассника. Лицо не предусматрительно не трогал, так как кровоподтёки могли вызвать множество вопросов у взрослых.

Чтобы как-то ликвидировать физический разрыв между Димой и мной, я записался на секцию бокса и начал усиленно тренироваться. В спорте у меня неплохо получалось. Вскоре я начал ездить на краевые соревнования и побеждать. Всю свою злость за унижения от одноклассника я вымещал на соперниках. Через полгода я получил первый юношеский разряд. Благодаря учителю физкультуры слава о моих спортивных успехах стала известна в школе.

После этого Дмитрий немного поутих. Его нападки в мою сторону стали гораздо осторожнее. Он перестал подстергать меня после уроков. Я расслабился и почувствовал себя в безопасности.

В один из дней на большой перемене учитель попросила выйти нас из класса, чтобы проветрить помещение. Я бесцельно слонялся по шумным школьным коридорам. Меня утомила суета, и я поплёлся обратно в класс. Кабинет был заперт на ключ. Я подёргал за ручку и услышал за дверью слабый шорох и сдавленный смех. В кабинете кто-то был. Я вновь постучал. Тишина. Не открывали.

У нас часто девчонки любили закрыться в классе и секретничать, не пуская никого до окончания перемены.

— Ну и чёрт с вами, — выругался я.

В школьной рекреации, устроившись уютно на тёплом большом подоконнике, я стал терпеливо ждать звонка на урок. За окном ярко светило весеннее солнце, играли на школьном дворе дети. Их радостный крик, словно щебетание птиц, разносился по всей Вселенной. На небе привычно висела Тень.

Резко и противно прозвенел школьный звонок. Кабинет открыли изнутри. Из-за двери раздался громкий смех одноклассников. Я осторожно зашёл в класс. Все, кроме учителя, уже были там.

В окружении ребят на парте стоял Дима и читал что-то всем вслух. Когда увидели меня, то на секунду затихли, с трудом сдвигая смех. Дима, быстро взглянув в мою сторону, продолжил как ни в чём не бывало декламировать громко вслух: — «Милая Мария, из мыслей о тебе возникла Небесная Тень. Я буду видеть Её и всегда думать о тебе. Только ты! Только ты! Только ты!»

Класс как по команде громко заржал и начал с нескрываемым ожиданием поглядывать в мою сторону.

Меня подвела привычка таскать с собой свой дневник повсюду. Один раз Дима заметил, как я

пишу в большой старой тетради. Он из любопытства попросил посмотреть. Я сказал ему, что это личное, и спрятал дневник в портфель. На перемене он тайно вытащил тетрадь из моей школьной сумки и прочитал несколько записей. В его голове созрел подлый план ознакомиться с моими откровениями весь класс. Дима чётко осознал, что делает. Он знал, как глубоко этим ранит меня.

Никто, конечно, из ребят особо ничего не понял про Тень, но о том, что я влюблён в одноклассницу Машу, догадался каждый!

Когда я сообразил, что именно всем вслух читает Дима, то не смог себя сдержать.

— Гад! — заорал я истошно. — Убью!

В классе стало тихо. Потом кто-то из девочек завизжал и побежал за учителем. Я ничего не видел вокруг себя и бесстрашно кинулся на Диму. — Держи его! — успел прокричать он и бросил мой дневник в толпу.

Кто-то подхватил тетрадь. Дмитрий надеялся, что этот манёвр отвлечёт меня и я, забыв про него, кинусь спасать дневник. Но тетрадь, содержание которой знали теперь все, утратила для меня значение.

Трое ребят из класса попытались преградить мне путь.

— Если не уйдёте с дороги — урою! Всех по одному выловлю и порву! — злобно прошипел я им.

У меня не было и капли сомнения, что сделаю как сказал. Я почувствовал их страх.

— Пусть сами разбираются, — сказал один из одноклассников.

Ухватившись за эту спасительную нить выйти из ситуации более или менее достойно, мальчишки отступили.

Дима понял, что уйти от конфликта не удастся. Он смело прыгнул с парты мне навстречу.

Схватка была кровавой, но длилась недолго. Помешал вернувшийся в класс учитель. Наши рубахи были порваны, на лице сияли свежие ссадины и синяки, из носа Димы капала кровь.

Запал от драки не угас, праведная злость изливалась из меня вулканом наружу. Я вырвался из рук разнимавшей нас учительницы и нагрудил ей в лицо. Потом, не стесняясь в выражениях, сказал всё, что думаю о своих одноклассниках:

— Вы все ссыкуны! — кричал я. — Бойтесь этого жлоба и уroda, а он использует вас как хочет. Никто не остановил его, хотя все знали, что он совершает подлость. Вы такие же сволочи, как и он!

Дима молчал, не говоря ни слова в ответ.

Во время своего гневного монолога я озирался, как затравленный зверь, искал глазами свою тетрадь. Её в руках держала Мария. Она молча сидела на задней парте и плакала. Я быстро подошёл к ней. — Отдай, — сказал я.

— Возьми, — покорно ответила она и протянула тетрадь.

Я выхватил дневник из её рук и выбежал из класса.

Учительница была в шоке. Урок был сорван. Из нашей драки она сделала крупный скандал на всю школу. Данное событие обернулось для нас разборкой в кабинете директора, вызванными в школу родителями, неудом по поведению за четверть, но это всё уже не имело значения.

После драки я шёл по улице, утирая слёзы. Было невыносимо больно и стыдно. Я чувствовал себя голым, как будто кто-то сорвал с меня всю одежду и выставил моё тело всем напоказ. Мне нужна была поддержка. Я в надежде взглянул на небо, отыскивая глазами привычную Тень, но её там больше не было. На душе стало пусто.

Я подошёл к сигаретному ларьку. Сонный продавец равнодушно поглядел на меня.

— Коробок спичек, — сказал я без эмоций и протянул деньги.

Продавец ухмыльнулся и с ленцой уставшего от жизни мацо сказал:

— Только не натвори ничего, пацан. Поверь мне: потом будешь жалеть всю жизнь. То, что сейчас видится как конечный конец, завтра покажется полной фигнёй!

Я сделал вид, что согласился с его словами, и чуть кивнул ему головой.

Дойдя до городской рощи, я отыскал укромное место среди берёз, развёл маленький костёр из сухих веток и без малейшего сожаления, вырывая по одной странице из своего дневника, сжёг его весь дотла. Я глядел на огонь. Пламя весело пожирало бумагу.

В свой класс и в свою школу я больше не вернулся. До летних каникул оставалось две недели. Оценок хватило, чтобы получить четвертные баллы. Родители отнеслись к моему решению с пониманием. Осенью я стал учиться в новой школе, у меня появились друзья. Одиночество как болезнь души исчезло в прошлом и со временем практически стёрлось из памяти. Я хорошо закончил школу и поступил в институт.

На первом курсе я влюбился и пригласил одногруппницу на свидание. Мы сидели в кафе, болтали о пустяках и смотрели, как птицы за окном клюют крошки, разбросанные людьми. Про себя я репетировал торжественную речь. И вот решился. Перед тем как произнести признание, я пристально посмотрел ей в глаза и замер от удивления. В них отражались облака и силуэт Тени!

Я быстро встал и выбежал на улицу. Пройдясь немного по тротуару, я забрался на пожарную лестницу и поглядел вновь на небо. Только синь, пустота и одиноко пролетающая птица. Тени нигде не было. «Что за игры?» — разочарованно подумал я.

Я вернулся в кафе немного растерянным. — Что с тобой? — спросила с тревогой одногруппница.

— Увидел знакомый силуэт. Была у меня одна подруга в детстве...— начал рассказывать я.

— И ты побежал её искать?— прервала меня сокурсница, недослушав.— Тогда зачем меня пригласил?

В тот вечер мы поругались, и наши отношения не задались.

Этот случай стал для меня знаковым. После него я всегда видел Тень в глазах девушек, в которых влюблялся. Поэтому я никогда не заблуждался насчёт своих чувств. У меня был чёткий ориентир— отражение Небесной Тени в глазах любимой. Если Тени не было— значит, не было и любви.

Став взрослым мужчиной, после долгих исканий себя, проб и ошибок, восторгов и разочарований, я вернулся жить в родной город. Там я устроился на работу программистом в одну из фирм сотовой связи. Начальник мне быстро представил новый небольшой и дружный коллектив. Все— молодые и полные надежд ребята.

Мне выделили маленький отдельный кабинет и рабочее место. Мой труд требовал тишины.

Подошло время обеда. В дверь тихо постучали.— Входите,— разрешил я.

В кабинет зашла уборщица в длинном сером халате. Я не сразу узнал её, тем больше было моё удивление, когда я понял, кто стоит передо мной!— Маша!— закричал я, радуясь неожиданной встрече, как мальчишка.

— Привет,— сказала смущённо она и улыбнулась.— Вот, устроилась подрабатывать на время декретного отпуска.

Мы разговорились. Выяснилось, что Мария никуда не уезжала из города. Отучилась в местном техникуме, работала на производстве. Сейчас подрабатывала в офисе уборщицей и училась на курсах парикмахеров. Несколько лет назад она влюбилась без памяти в местного «героя». Он оказался не тем, кем старался быть, и к тому же наркоман. Развелась. Воспитывает дочь.

— А ведь когда дружили, он был таким романтиком. Мы забирались на крыши пятиэтажек, смотрели на звёзды, целовались. Там, на чердаке, и дочку сделали, как коты!— засмеялась Мария.

«А ведь этот рассказ мог быть про нас с тобой»,— подумал я, а вслух спросил:

— Что про одноклассников наших знаешь?

— Да у всех по-разному сложилось. Димка встал на дорожку нехорошую. Уже две ходки за мелкое воровство имеет.

— Кто бы мог подумать...

Мы проговорили целый обед, словно и не было расстояния в десяток лет. Весь наш разговор моё внимание было приковано к глазам Маши. Я буквально не отводил от неё взгляд.

— Всю обсмотрел меня?— заметила, не скрывая удовольствия, Мария.

— Всю,— ответил я, улыбаясь.